

Китайская прелюдия, или «Странная война на Востоке»

В. А. Корсун*

Зловещий тезис Фридриха Ницше, ставший знаменем исторического релятивизма и агностицизма — «Фактов нет, а есть только их интерпретация!», — кошмаром преследует исследователя, занимающегося историей Второй мировой войны, что является крайне неблагоприятной миссией, особенно в свете участвовавших попыток, вплоть до ревизии учебников, не признавать и искажать ее ход и итоги. Беспристрастному анализу данного периода мешают страсти, не позволяющие, помимо прочего, перевести современный диалог КНР и Японии в прагматическую плоскость, скандалы, периодически разгорающиеся вокруг вопроса об «уроках антикитайской агрессии», «вопрос покаяния Японии», ставший главным «раздражителем» отношений двух стран за весь послевоенный период. Так во время визита Цзянь Цзэмина в Токио в ноябре 1998 г. проблема обозначилась, получив новое толкование китайской стороны. Экс-председатель КНР тогда, в частности, заявил: «Япония виновата в гибели 35 млн жизней (раньше речь шла о 10 млн китайских жителей) и ущербе на сумму 600 млрд долл. (ранее фигурировали 300 млрд), огромных бедствиях, причиненных китайскому народу»¹. Японская сторона соглашалась признать факт агрессии и выразить по этому поводу «глубокое сожаление», уже высказанное японским императором во время его первого за всю историю визита в Китай в 1992 г., и правительством, но отказалась внести в текст совместной декларации четкую формулировку о принесении «извинения» перед китайским народом, что стало поводом к тому, что ожидавшегося подписания нового дипломатического документа, аналогичного действующему «Договору о мире и дружбе» 1978 г., по итогам этого саммита не состоялось.

Очевидно, что национально-освободительная борьба Китая против японских захватчиков началась задолго до того, как война приобрела характер миро-

вой и стала для китайского народа весьма затяжной войной (14 лет), в ходе которой было уничтожено более 1,5 млн японских агрессоров. Единственным надежным компасом в анализе данных могут служить документальные знания и «нарративная стратегия» автора, пропустившего через себя потоки информации, выстрадавшего их и выстроившего логически продуманную сюжетно-событийную конструкцию. Важность подобного анализа определяется тем, что в послевоенные годы вслед за динамичными изменениями в международной обстановке участились попытки некоторых государств не признавать и искажать итоги Второй мировой войны, вплоть до ревизии учебников истории для сокрытия или приуменьшения совершенных преступлений, что, выходя за рамки научной проблематики, становится важной политической проблемой.

Попробуем восстановить адекватную картину восточного фронта войны в лице сопротивления китайского народа японским захватчикам. Своего рода арьергардными боями Второй мировой можно, в известной мере, считать китайско-японское вооруженное противостояние, начало которому положил так называемый «мукденский инцидент», т. е. взрыв поезда 18 сентября 1931 г. на железнодорожном полотне принадлежавшей Японии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) в районе местечка Лютяоху, недалеко от Мукдена (ныне город Шэньян). Этот взрыв, организованный, как выяснилось впоследствии, японским полковником Доихара, был объявлен китайской диверсией и использован японской Квантунской армией, расквартированной в области Гуаньдун на Ляодунском п-ве, бывшей до Первой мировой войны германской колонией, в качестве предлога для массированного вторжения в Маньчжурию. С известными оговорками, именно эту дату «события 18 сентября» можно считать началом «войны сопротивления китайского народа Японии» и внесения

* Владимир Андреевич Корсун — к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России.

Китаем своего весомого вклада в итоговый разгром японского милитаризма в мировой войне.

Оговорки связаны, прежде всего, с тем, что «японский фактор» стал неотъемлемой составляющей внутриполитической ситуации Китая, а собственно «японский период» в китайской истории начался задолго до этого. Связан он был с сокрушительным разгромом Китая в войне 1894–1895 годов «мелким государством», своим еще недавним «данником» и «вассалом» — модернизированной в результате «реставрации Мэйцзи» Японией. Данное поражение явилось мощным фактором, приведшим к краху китайской «политики самоусиления» и давшим импульс реформаторскому движению в Китае. Еще более впечатлила китайцев победа Японии над царской Россией в войне 1904–1905 гг., породившая целый «бум» японофильских настроений и всплеск надежд на особую «освободительную» миссию «страны восходящего солнца» в Азии в силу расовой и культурно-исторической близости. Впоследствии это воплотилось в доктрину «паназиатизма», которая стала активно культивироваться японскими шовинистическими кругами. Произошедшая при мощной финансовой и политической поддержке Японии Синьхайская революция 1911 года, результатом которой было «снятие» некоего общекитайского «колпака» и понижение уровня деспотии до региональных милитаристских «пирамид», порой еще более деспотической власти, казалось бы, выбила почву из-под китаеццентристской модели построения международных отношений. Провал так пугающей Токио попытки Юань Шикая, (покрывшего себя позором капитулянта, принявшего в 1915 г. известные унижительные «21 требование» Японии), воссоздать монархию лишил эту модель имперского содержания, а длительный раскол страны — единого полюса «магнетизма». Наконец, невиданный плюрализм идей, пришедший на смену прежней монополии конфуцианства, создавал идеологические предпосылки для перехода от «традиционализма» к «модернизму», в том числе и в сфере равноправных взаимоотношений государств как носителей национального суверенитета. Тем не менее, история Китая XX века свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а, скорее, об их трансформации и послойном «нанизывании» на некий китаеццентристский стержень. Китайская традиционная культура оказалась недостаточно гибкой, слабо расчлененной, слишком высокомерной и этноцентричной для того, чтобы быстро воспринять и «переварить» обрушившийся на нее поток разнообразных «образцов поведения». Динамизм внутренних и внешнеполитических событий новейшего времени не давал возможность «передохнуть» и провести тщательную селекцию и дозированную апробацию заимствуемых идей и институтов, особенно в сфере международного общения.

Данный этнопсихологический стереотип наиболее рельефно проявился в диалоге с Японией, с кото-

рой, помимо географической, исторической и культурной близости, китайцев всегда связывал сложный комплекс противоречивых чувств, настроений и эмоций, взаимной подозрительности и недоверия, мешающих встречному движению к пониманию друг друга и сотрудничеству. Лишь последние десятилетия внесли некоторую коррекцию во взаимоотношения двух представителей конфуцианской цивилизации, прекрасно знающих друг друга и выработавших четкую систему сигналов, позволяющую двум странам успешно лавировать в сложном сплетении факторов сближения и отчуждения.

Если взглянуть на дальнейшую эволюцию китайской государственности и «особых» китаец-японских отношений через «призму» подобной китаеццентристской модели, то межмилитаристские войны, в которых активно участвовал и Сунь Ятсен (как известно, создавший свою партию «Объединенную лигу» — «Тунмэнхуэй» — в 1905 г. в Токио), можно назвать борьбой не только за право называться «собирателем китайских земель», но и за монопольное право обладателя некоего универсального «мандата». Становится понятным, в связи с этим, почему кульминационной составляющей учения «трех народных принципов», наполняющего его масштабностью и «вселенским» содержанием, выступает идея лидерства Китая в некоем «Национальном интернационале» «всех угнетенных наций и государств», «слабых и малых народов», «желтых и цветных» в пику Лиги Наций, «граблящих Восток империалистических государств» во всемирном противодействии социально-этических ценностей Востока «грубому материализму» Запада. Так, в выступлении Сунь Ятсена в 1924 г. в Высшей женской школе Кобэ, озаглавленном «Паназиатизм» («Даясиячжуи»), содержался открытый призыв к Японии отказаться от «империалистических поползновений», вспомнить о «расовой, культурной, региональной и экономической близости», «начать движение за возвращение на Восток» и «встать в едином фронте с Китаем»².

Разделял руководитель Гоминьдана и имевшее хождение на уровне обыденного сознания суждение относительно того, что японцы должны отказаться от своих честолюбивых устремлений и, «вернувшись на Восток», отплатить свой исторический долг Китаю (за заимствованную у него культуру) плодами воспринятой ею западной цивилизации³. Не случайно, именно подобное, типологически относящееся к традиционно-конфуцианскому, прочтение суньятсенизма Дай Цзитао, (секретаря и личного переводчика Сунь Ятсена, получившего образование в Японии), придающее ему пафос «антиимпериализма» и возводящего в функции «русской революции трех народных принципов», в ранг некоей интернациональной доктрины, «теоретически не ограничивающейся Азией, а охватывающей слабые и малые нации всего мира», возобладало после кончины Сунь Ятсена.

Построения в духе идеи «Датун» («Великого единения») народов Азии под эгидой возрождающего свое былое могущество Китая, обеспечивающей Китаю выполнение его «миссии» («шимин») (тот же иероглиф «мин» — «мандат»), было признано «истинным» и стало идеологической основой гоминьдановского режима⁴.

Идея «паназиатизма», получившая особое развитие на японской почве, получила значительный резонанс в Китае, в первую очередь потому, что своей основной посылкой относительно «общности судеб» азиатских народов она хорошо укладывалась в парадигму «китайского мирового порядка» и порождала надежды на то, что при содействии Японии Китай будет играть достойную, по сути дела руководящую роль в паназиатском союзе народов желтой расы, станет заслоном на пути проникновения государств белой расы в Азию. Многие китайские японофилы не сразу осознали, что идея паназиатской общности народов Восточной Азии в ее японской интерпретации является не более, чем прикрытием экспансионистских планов воинственно настроенных кругов в Токио, уверенных в том, что сильный и процветающий Китай несовместим с самим понятием безопасности Японии. Приверженность Сунь Ятсена теории восточноазиатской солидарности двух стран в противопоставлении Западу, зафиксированная в его письме премьер-министру Японии Окума от 11 мая 1914 г. и получившая развитие в лекциях о национализме в Кобэ в 1924 г., т. е. уже после позора «21 требования» в 1915 г. и «движения 4 мая» в 1919 г., стала своего рода «священной короной» для целого поколения прояпонски настроенных идеологов типа Ван Цзинвэя, считавшего себя наиболее последовательным продолжателем дела Учителя. Обращает на себя внимание то, что ни неоднократные факты «унижения» Китая со стороны Японии, ни регулярно следующие за ними и умело дирижируемые властями волны антияпонских настроений, погромов и бойкотов японских товаров, среди которых выделяется своим размахом и накалом «движение 4 мая 1919 года» не сумели окончательно и беспощадно обнажить масштабы японской угрозы, нависшей над Китаем, в глазах многих китайских интеллектуалов, среди которых оказался и д-р Сунь Ятсен. Не случайно, некоторые западные авторы, в частности М. Дженсен и Г. Шифрин критикуют Сунь Ятсена «слева» за политику уступок державам, в частности Японии, и даже обвиняют его в том, что временами он выступал «апологетом японской экспансии и даже орудием агрессии»⁵.

Как известно, поддержанный Коминтерном «Северный поход» Национально-революционной армии, ставящий задачу объединения Китая под властью Гоминьдана, с самого начала встретил резкое противодействие Токио, настаивавшего на том, чтобы военная акция гоминьдановцев была ограничена пределами Великой стены. Японское правительство не допускало

саму мысль о восстановлении полного единства Китая, что было чревато укреплением мощи «Срединного государства», а, следовательно, и рецидивами возрождения традиционных китаецентристских комплексов, грозящих реанимацией статуса Японии как «коротконового варвара» и «данника». Сформированный в 1927 г. кабинет японского премьера Г. Танаки заверил новый чанкайшистский режим в Нанкине — Национальное правительство, которое Япония признала последней из капиталистических держав лишь в январе 1929 г., что если тот сосредоточит усилия на борьбе за искоренение «коммунистического влияния» и установление «нового порядка» в контролируемом им районе, т. е. в Южном и Центральном Китае, Япония гарантирует ему свою «симпатию» и «моральную поддержку», в том числе в обеспечении таможенной автономии и отмены экстерриториальности в Китае. Когда же летом 1927 г. из Гоминьдана были изгнаны коммунисты и были закрыты все советские консульства и отделения торгпредства на территории, контролируемой нанкинским правительством, Токио использовал весь набор дипломатических и военно-политических средств, дабы сорвать под предлогом охраны японских подданных в Северо-Восточном Китае Северный поход и объединение Китая.

В докладе на состоявшейся в Токио так называемой Восточной конференции с участием представителей военных и дипломатических кругов высокого ранга Г. Танака провозгласил основным принципом японской политики в Китае обеспечение «мира» в Восточной Азии и достижение «сопроцветания» Японии и Китая. Материалы этой конференции были положены в основу составленного с особым цинизмом и откровенностью пресловутого секретного документа, предоставленного 25 июля 1927 г. Г. Танака императору Хирохито (Сёва) и называвшегося «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». В нем, в частности, говорилось: «Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая награвляет на нас Китай... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне... Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы» Фактически этот грандиозный план резервировал за Японией в условиях мирового экономического кризиса право на контроль над политико-экономическим развитием Китая, на вмешательство в его внутренние дела и нацеливал японскую военщину на поэтапное расчленение Китая и превращение его в японскую колонию⁶.

«События 18 сентября 1931 г.», т. е. массированное вторжение японских войск в Маньчжурию,

казалось бы, полностью раскрыли истинные экспансионистские цели Токио, но, тем не менее, нанкинское правительство, требуя полного вывода японских войск и уплаты Китаю контрибуции за понесенные убытки, не только уклонялось от активного сопротивления японской агрессии, стремясь любой ценой избежать войны с Японией и продолжая искать пути мирного решения конфликта, но и всячески старалось демонстрировать свое стремление к сближению. При этом Нанкин не прекращал дипломатическую борьбу с западными державами за отмену «неравноправных договоров», в первую очередь за таможенную автономию и отмену права «консульской юрисдикции» или экстерриториальности иностранцев. Напомним, что в период событий в Маньчжурии японские войска насчитывали там всего лишь 10 тыс. человек, в то время как численность китайской армии, реорганизованной и обученной под руководством, вначале советских, а позднее сменивших их немецких военных советников, доходила в этом регионе до 300 тыс. Тем не менее, председатель ЦИК Гоминьдана и главнокомандующий Чан Кайши (как известно, он в свое время окончил военный колледж в Японии) отправил телеграмму маршалу Чжан Сюэяну, в которой назвал действия японской армии «заурядной провокацией» и во избежание расширения конфликта приказал воздержаться от сопротивления и отступить, ибо китайские вооруженные силы в политическом, организационном и материальном отношениях еще не в состоянии противостоять японским войскам на поле боя⁷. Подобная пассивная позиция Чан Кайши, исходящая из необходимости оттянуть время и добиться дипломатическими усилиями соотношения сил на международной арене в пользу Китая, получила в современной китайской историографии определение «политика несопротивления» и оценивается эпитетами «капитулянтство», «продажа родины» и т. п. Однако не только военно-политической слабостью Китая и упованиями на западные державы, пакт Бриана–Келлога 1928 г. (предусматривавший отказ подписавших его стран от использования силы при решении международных споров) и Лигу Наций, куда Китай обратился 21 сентября, объясняется отказ Нанкинского правительства от активного сопротивления японцам. Очевидно, что в Нанкине не оставляли надежды договориться с Токио, что объясняет нежелание гоминьдановского руководства объявлять войну Японии, разрывая с ней дипломатические отношения, а также его стремление, выдержав стратегию паузы, интенсифицировать переговоры с Токио, для чего в Нанкине был создан специальный комитет по иностранным делам во главе с Дай Цзитао для поисков путей мирного решения конфликта⁸.

Рассмотрение китайского вопроса в Лиге Наций, несмотря на все усилия китайской дипломатии, отказывавшейся от прямых двусторонних переговоров с Японией до отвода войск и восстановления положения на 18 сентября 1931 г., закончилось для

Центрального правительства Китая безрезультатно. Ни беззубые, лишенные каких-либо санкций против агрессора резолюции Совета Лиги, ни пресловутая наблюдательная комиссия во главе с лордом Литтоном, ни декларативная «доктрина непризнания» госсекретаря США Г. Стимсона о неприемлемости каких-либо договоров и соглашений, затрагивающих интересы США, а также суверенитет, независимость, территориальную и административную целостность Китайской Республики не смогли предотвратить дальнейшую агрессию Японии. Европейские державы, и в частности Великобритания, сочли невозможным осуждение агрессии Японии, ибо полагали, что Токио «добросовестно соблюдает» в Маньчжурии принцип «открытых дверей и равных возможностей». Прикрываясь тезисом о «неорганизованном» характере китайского государства и его неспособности соблюдать права японских подданных, Япония за короткое время оккупировала всю Маньчжурию, где уже в марте 1932 г. создала марионеточное государство Маньчжоу-дого во главе с последним императором Цинской династии Пу И. Затем ее войска захватили Цицикар в пров. Хэйлуцзян, овладели Цзиньчжоу, подвергнув город, впервые в мировой истории (задолго до испанской Герники), жесточайшей бомбардировке и отбросили китайские войска до Шанхайгуаня, т. е. за Великую китайскую стену.

Не помог китайским властям, не исключавшим возможности предварительного сговора Японии с другими империалистическими державами, даже шантаж западных правительств перспективой союза Нанкина с Советской Россией⁹. В свою очередь, японские правящие круги, пытаясь предотвратить вмешательство Запада в маньчжурские события, всячески подчеркивали антисоветскую и антикоммунистическую направленность своей агрессии. Подобного варианта развития событий не исключала и Москва, поэтому Советский Союз, зондируя почву для подписания пакта о ненападении с Токио, развернул активную деятельность по организации международной поддержки Китая, форсировал восстановление дипломатических отношений с Китаем ранее прерванных из-за враждебной деятельности китайской стороны, спровоцировавшей в 1929 г., вооруженный конфликт с СССР. Стратегически Китай выступал в роли гигантской буферной зоны между СССР и Японией по всему периметру восточных границ СССР. Ситуация «борьбы всех против всех» и постоянные опасения провокаций с целью вовлечения СССР в конфликт с Японией, свидетельством чему служило стремление местных китайских военачальников вести бои с японскими частями вблизи советско-японской границы и неоднократно переходить ее, укрываясь от преследования японцев, заставляли советскую дипломатию занимать особенно осторожную позицию. Однако уже в конце июня 1932 г., в Женеве начались переговоры между китайским дипломатом Янь Хуэйцинем (Иен) и советским

представителем М. М. Литвиновым о восстановлении дипломатических отношений и подписания по инициативе китайской стороны пакта о взаимном ненападении. К 12 декабря 1932 г. дипломатические и консульские отношения между странами были восстановлены, и Москва приступила к массовой морально-политической, дипломатической и военно-технической поддержке Китая, направляя в Китай советников, вооружение и боеприпасы, а также предоставляя льготные кредиты на закупку вооружений. Значение этой помощи подтверждали многочисленные изъявления благодарности со стороны тогдашнего китайского правительства¹⁰. Ответом Японии послужили многочисленные «инциденты» на КВЖД и участвовавшие провокации японской военщины на советской границе. Весьма показательны также и то, что пакт о ненападении, предложенный Советским Союзом ранее, был отклонен японским правительством в день опубликования сообщения о восстановлении отношений между СССР и Китаем.

Войдя во вкус и пользуясь тем, что западные державы до начала Тихоокеанской войны в декабре 1941 г. строго придерживались политики неучастия в войне на Дальнем Востоке, Япония направила в начале 1932 года свой морской экспедиционный корпус в Шанхай «для защиты жизни японских граждан». В условиях общенационального порыва патриотизма ЦИК Гоминьдана даже был готов перенести столицу в западный г. Лоян на случай «затяжного сопротивления», но на разрыв дипломатических отношений и объявление войны Японии Нанкин не решился¹¹. Несмотря на то, что новый акт агрессии Японии задевал собственность и интересы держав в Шанхае и в дельте Янцзы, Лига Наций и на этот раз не смогла предложить действенных мер по обузданию японской военщины и ограничилась посредническими услугами в проведении китайско-японских переговоров, результатом которых явилось подписание 5 мая 1932 года соглашения о перемирии, восстанавливающее положение на 28 января: китайские войска не имели права вступать в зону Большого Шанхая; японские войска отводились на территорию международного селтльмента. Вероятно, подписать подобное, подрывающее престиж Китая, соглашение заставило раскалываемый коррупцией, распрямными и противоречиями Нанкин давлением шанхайской буржуазии, заинтересованной в нормальном функционировании промышленности и торговли города, а также стремление освободить силы для борьбы с коммунистами, которые придерживались установки на борьбу одновременно против японского империализма и против Чан Кайши¹².

Ради собственных интересов державы не хотели подвергать себя опасности вовлечения в войну с Японией и, опасаясь за судьбу своих колоний, готовы были пожертвовать суверенитетом и территориальной целостностью Китая, дабы канализировать дальнейшую агрессию Японии в нужном для себя

направлении. Осознавая это, нанкинское правительство, разуверовавшись в способности Лиги Наций предпринять какие-либо санкции против агрессора, продолжало использовать тактику антияпонских бойкотов и вооруженных отрядов добровольцев в Северо-Восточном Китае, но, наряду с этим, выразило готовность вступить в переговоры с японской стороной при участии представителей США и СССР на основании резолюции Совета Лиги от 11 марта 1932 г. и 3-го параграфа гл. 9 доклада Комиссии Литтона¹³. В это время японские войска после трехдневных кровопролитных боев захватили город Шанхайгуань у восточной оконечности Великой китайской стены, овладели всей провинцией Жэбэй и вторглись в собственно провинцию Внутреннего Китая Хэбэй, создав угрозу всему Бэйпин-Тяньцзиньскому району. Китайские войска терпели поражения и стремительно отступали. Ситуацию не могла уже изменить принятая 24 февраля 1933 года резолюция Ассамблеи Лиги Наций по докладу комиссии Литтона, в которой, с одной стороны, признавался незаконным захват Маньчжурии японскими войсками и содержался призыв к членам Лиги Наций не признавать де-юре и де-факто Маньчжоу-го, а с другой — отмечалось наличие «особых прав и интересов» Японии в Северо-восточных провинциях Китая. В связи с принятием этого документа японская делегация покинула Женеву, а 27 марта 1933 года последовала формальная нота японского правительства о выходе Японии из Лиги Наций.

Правительство Советского Союза в соответствии с политикой строгого нейтралитета не приняло предложение Лиги Наций о присоединении к данной резолюции, а 2 мая 1933 года нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил о готовности начать предметные переговоры об уступке Маньчжоу-го всех прав на КВЖД. Акт о продаже КВЖД к огромному неудовольствию правительства Чан Кайши, которое осознавало, что ликвидация этого потенциального «яблока раздора» уменьшала риск советско-японского столкновения, на которое постоянно рассчитывало гоминьдановское руководство, был подписан в марте 1935 года. Гоминьдановскому правительству, которое возглавил прояпонски настроенный Ван Цзинвэй и основные войска которого были заняты борьбой с военными силами КПК в пров. Цзянси, ничего не оставалось, как начать, сперва в Бэйпине, а затем в Тяньгу, секретные переговоры с Японией, завершившиеся подписанием 31 мая 1933 г. соглашения о перемирии. По этому, крайне тяжелому для Китая соглашению (подписавший его министр иностранных дел Ло Вэньган был вынужден вскоре уйти в отставку), Великая китайская стена фактически стала границей между Китаем и Японией, а китайские войска лишились права заходить в демилитаризованную зону протяженностью в 5 тыс. миль, охватывающую северо-восточную часть пров. Хэбэй от Великой стены до Бэйпина и Тяньцина. Власть на этой об-

ширной территории, охватывающей две провинции, передавалась созданным японцами марионеточным Политсоветам¹⁴.

Соглашение в Таньгу имело не только чисто военные, но и, как показали дальнейшие события, важные политические последствия. По сути, оно означало поворот от политики «переговоров и ограниченного сопротивления» к поиску путей компромисса с Японией по самым принципиальным вопросам. 28 июля 1933 г. от имени Ван Цзинвэя и Чан Кайши была провозглашена «политика спасения родины», которая сводилась к тому, что сначала необходимо уничтожить коммунистов для того, чтобы «укрепить мощь государства», а затем сконцентрироваться на внешних проблемах. При этом, опасаясь спровоцировать Японию на очередное развязывание военных действий, Нанкин запретил все антияпонские выступления, прекратил всю антияпонскую пропаганду, включая школьные учебники, и распустил шанхайское «Общество по спасению родины». В октябре 1933 г. Китаем была достигнута договоренность с Японией об установлении железнодорожной, почтовой и торговой связи с Маньчжоу-го. Тогда же Нанкин изъявил готовность полностью покончить с антияпонскими настроениями в Китае, за что японские власти обещали предоставить Чан Кайши заем и военное снаряжение для «уничтожения коммунистических сил». В японских правящих кругах в это время также стала брать верх группировка, которая считала, что для успешной войны с СССР необходимо договориться с Чан Кайши и с его помощью превратить Китай в «антисоветский» и «прояпонский», что позволило бы обеспечить «спокойный тыл» для японской армии. На возможность японо-китайского сговора указывали и акции Чан Кайши, который осуществил операцию по уничтожению объединенной антияпонской армии, созданной в мае 1933 г. в Северном Китае, и вполне безбоязненно сконцентрировал основные вооруженные силы для борьбы против советских районов в Южном Китае. Проходившие в это время китайско-советские переговоры по вопросу о заключении пакта о ненападении не давали в этих условиях никаких результатов, ибо не только Китай, но и Советский Союз занимал двойственную позицию, так как в его политике большую роль играл идеологический фактор¹⁵.

Воспользовавшись после заключения соглашения в Таньгу некоторой передышкой, когда Япония временно ослабило военное давление на Китай, Нанкин сосредоточился на наращивании экономической и военной мощи страны. В центре внимания китайских лидеров оказались вопросы получения технической помощи от Лиги Наций и содействия США в строительстве военно-воздушных сил Китая¹⁶. Однако главную роль в модернизации китайских вооруженных сил играла Германия, из которой в апреле 1934 года приехал генерал Сект, сразу же назначенный заместителем Чан Кайши и подклю-

ченный к планам модернизации китайской армии и организации национальной обороны на случай расширения японской агрессии в Северном Китае. На протяжении 1933–1934 гг. проходили активные переговоры нанкинского правительства с представителями немецких фирм, проявивших большой интерес не только к продаже оружия, но и к вложению капиталов в развитие экономики Китая. С приходом к власти Гитлера стали укрепляться и расширяться контакты и в политической области. К неудовольствию Токио отношения Нанкина и Берлина изменились от настороженных (в связи с неопределенной позицией Германии в период маньчжурских событий) до крайне благожелательных¹⁷. Одновременно прояпонски настроенные гоминьдановцы, воспользовавшись уходом в отставку с постов министра финансов и заместителя председателя исполнительного юаня антияпониста Сун Цзывэня, продолжали попытки дальнейшего сближения с Японией. В ходе секретных переговоров с представителем Японии в Китае Акиро Ариоси Нанкин, власть которого к 1934 г. распространялась только на половину из 18 традиционных провинций собственно Китая, пошел на ряд уступок в вопросе о доминировании Японии в «демилитаризованной зоне». Симптоматично прозвучало в ходе переговоров скандальное заявление руководителя информационного отдела МИД Японии Х. Амо о миссии Японии в Восточной Азии и о недопустимости каких-либо действий со стороны третьих стран, таких, как продажа Китаю оружия, военных самолетов, направление советников, предоставление займов, которые могут привести к ухудшению отношений Японии с Китаем. Подобная версия «доктрины Монро» для Азии и попытка, в нарушение принципа «открытых дверей», монополизации контроля над внешней политикой Китая вызвала далеко неоднозначную реакцию держав. Но и в этом случае, рассчитывая повернуть в дальнейшем экспансию Японии против СССР и добиться с ней сделки за счёт Китая, правительства США и Великобритании не шли дальше умеренного осуждения действий Японии. Более того, они продолжали крупные поставки в Японию стратегических материалов, помогавших ей наращивать военный потенциал¹⁸.

Между тем, «медовый месяц» в китайско-японском диалоге в обстановке внутреннего экономического кризиса в Китае и потенциальной коммунистической угрозы продолжался и в повестку дня даже встал вопрос о заключении китайско-японского договора о дружбе. Так, председатель китайского правительства Ван Цзинвэй следующим образом прокомментировал произнесенную 21 января 1935 г. парламентскую речь министра иностранных дел Японии Хирота, призывавшего с помощью «мягкой политики» улучшать отношения с Китаем: «Сейчас я хочу подчеркнуть со всей откровенностью и серьезностью, что мы желаем решить все осложнения между двумя странами с полной искренностью и мирными

средствами, а также с помощью регулярных контактов для того, чтобы все взаимные подозрения и все разговоры и действия, взаимно отвергающиеся и наносящие вред, могли бы постепенно быть искоренены и таким образом могли быть осуществлены надежды на тесную дружбу между двумя странами». Для реализации этих планов в феврале 1935 г. в Японию был направлен крупный гоминьдановский политический деятель Ван Чунхуэй, который после переговоров с японскими официальными лицами заявил: «Я покидаю гостеприимный берег Японии... в счастливой надежде, что кое-что сделал для того, чтобы положить конец ненужному отчуждению между двумя странами, имеющему место последние два года...»¹⁹.

Однако расчетам гоминьдановского правительства не суждено было сбыться. Япония продолжала расширять агрессию, применяя не только военные, но и «дипломатические» средства. Переговоры привели к тому, что Япония добилась права расширить свое политическое и экономическое влияние на провинции Чахар и Хэбэй. Становилось все более очевидным, что представители военных кругов Японии не склонны верить в искренность заявлений нанкинского правительства по поводу китайско-японской дружбы и ставили перед собой задачу, отколов от Китая Северо-Восток, Север и Внутреннюю Монголию, свести статус нанкинского правительства до уровня регионального правительства в долине Янцзы. Тем не менее, уже в 1935 г., поверив в провозглашенный МИД Японии новый курс в отношении Китая и окончательно разочаровавшись в содействии Запада и Лиги Наций в обуздании Японии, правительство Гоминьдана, посты премьер-министра и министра иностранных дел в котором совмещал склонный к сближению с Японией Ван Цзинвэй, пошло на принятие за основу для переговоров о заключении китайско-японского договора о дружбе известных «трех принципов Хирота»: 1) подавление полностью антияпонского движения, отказ от ориентации на Европу и Америку, курс на дружбу с Японией; 2) официальное признание Маньчжоу-го и развитие с ним активных экономических и культурных связей, особенно в прилегающих северных провинциях Китая; 3) сотрудничество с Японией в северных провинциях в целях предотвращения коммунистической угрозы. Нанкин был готов принять эти принципы за основу ведения официальных переговоров об условиях договора о ненападении²⁰.

Защищаясь от нападок и обвинений в капитулянтстве со стороны антияпонски настроенных лидеров Гоминьдана и воинствующих радетелей соблюдения конфуцианских нравов «синерубашечников», Ван Цзинвэй с пафосом подчеркивал, что японское правительство демонстративно отказалось от использования в отношении Китая термина «Джина», который китайцы считали уничижительным, а стали пользоваться термином «Китайская республика» («Чжунхуа миньго»), что из четырех государств

(США, Англия, Франция, Япония) Япония первая пошла в мае 1935 года на повышение статуса дипломатических представителей с Китаем до ранга посла. Оправдывая публикацию правительством указов об отмене бойкота японских товаров и запрещении антияпонской пропаганды, он обильно цитировал вышеупомянутое «паназийское» выступление Сунь Ятсена в Кобэ, где последний призывал народы Японии и Китая сотрудничать во всех областях в целях достижения «благоденствия» обеих стран. Примечательно, что Чан Кайши, в свою очередь, в своей работе 1942 года «Судьбы Китая» утверждает, что, оказывается, он никогда не питал иллюзий и всегда оценивал «три принципа Хирота» как попытку подчинить Китай Японией в политическом и экономическом плане²¹. Еще более примечательно, что, по мнению китайского историка Ван И, привлеченная на данном этапе в качестве посредника для урегулирования китайско-японских разногласий Германия даже пригласила Китай принять участие в проходивших в то время секретных германо-японских переговорах и Риббентроп даже зондировал возможность присоединения Китая к союзу Германии и Италии, направленному против СССР²².

После провокационных действий японцев в провинциях Хэбэй и Чахар, которые показали, что они приступили к претворению в жизнь плана отделения Северного Китая и создания там автономного государства, в Гоминьдане и правительстве усилилась оппозиция Ван Цзинвэю и тем, кто выступал за политику компромиссов и уступок в отношении Токио. Председатель Военного Совета Чан Кайши и поддержавшие его Сун Цзывэнь, Кун Сянси, Сунь Фо, а также лидеры многих патриотических организаций, распространяющих антияпонские настроения по всему Китаю настаивали на том, что уступки и компромиссы китайского правительства в отношениях с Японией должны иметь определенные пределы. В ответ на это Токио усилило свое военное и дипломатическое давление на Нанкин. После обострения обстановки в Северном Китае летом и осенью 1935 года Чан Кайши стал еще настойчивее стремиться к соглашению с Советским Союзом, предлагая заключить китайско-советский договор о взаимопомощи. Помимо возможности получать от СССР военно-техническую помощь, ради чего выражалась готовность урегулировать отношения с китайскими коммунистами, прекратив против них военные компании, Чан Кайши явно стремился втянуть Советский Союз в войну с Японией и, если будет возможно, повернуть агрессию на север. В декабре 1935 г. возобновились встречи Чан Кайши с советским послом в Китае Д. В. Богомоловым²³.

Участившиеся в 1935–1936 гг. провокации японской военщины на советско-маньчжурской границе и на границе МНР поставили советское и монгольское правительства перед необходимостью усиления совместных оборонительных мер. 12 марта 1936 г. они

подписали Протокол о взаимопомощи. Это вызвало недовольство Нанкина, как якобы противоречащее советско-китайскому соглашению 1924 г., и бурю негодования со стороны Японии: Протокол обеспечивал прочные гарантии безопасности МНР, между тем, по упомянутому нами плану лидера милитаристских кругов Японии генерала Гиити Танака, она должна была быть захвачена сразу вслед за Маньчжурией. Кроме того, военные круги Японии в подписании Протокола усматривали готовность Советского Союза заключить аналогичное соглашение и с Китаем. Недаром генерал Тодзё, в те годы начальник штаба Квантунской армии, «предупреждал генералитет штаба армии о возможности коалиционного объединения Китая с Советским Союзом»²⁴.

Укрепление позиции нанкинского правительства и, прежде всего, группировки Чан Кайши, его мероприятия по объединению страны, развитию экономики и усилению обороноспособности вызывали тревогу правящих кругов Японии. Многие источники сообщали, что Нанкин закупал в больших количествах оружие нового образца и военное снаряжение, главным образом в Германии и США, в обмен на китайское сырье. В Токио понимали, что если сейчас не вмешаться в сложившуюся ситуацию, то в ближайшем будущем преодолевший внутренние распри, сильный и объединенный Китай положит конец амбициозным планам по установлению господства в Азии Японии, стремительная модернизация экономики которой, изрядно потрепанной мировым экономическим кризисом, испытывала все большую нехватку как сырья, так и рынков сбыта. Рычагом своей политики в Китае Токио избрал наращивание численности своих войск на Севере и форсирование сепаратистского движения. Так 27 мая 1936 г. была провозглашена независимость от Китая Внутренней Монголии во главе с князем Дэваном, который объявил себя главнокомандующим и пригласил японских советников. При этом в Японии не скупилась на «кровнородственные» официальные заверения о «полнейшей симпатии» к Китаю в его борьбе с посягательствами Запада, «понимании» национальных чаяний китайцев и о совершенно особом характере отношений с ним на основе «существования и процветания» и т. п. Любопытно, что, по известной «зеркальной» аналогии с сюжетами китайско-японских отношений сегодняшнего дня, когда Пекин призывает Японию «вернуться в Азию», практически на протяжении всей первой половины XX века официальный Токио усиленно добивался отказа Нанкина от сотрудничества с западными державами, (министр иностранных дел Японии Хирота даже призывал Китай выйти из Лиги Наций²⁵). Япония также упорно настаивала на прекращении распространения в Китае антияпонских настроений и бойкотов, роспуске всех антияпонских организаций, а также на просмотре китайских школьных программ и учебников, представляющих Японию и японцев в негативном

свете (!). Таким образом, сложился некий порочный круг, когда акты агрессии Японии вызывали вспышки антияпонских действий, а угрозы жизни, имуществу и правам японских граждан, в свою очередь, провоцировали новые военные операции японских войск²⁶.

В течение 1935–1936 гг. Япония активно разрабатывала военные планы овладения внутренним Китаем. Подготовленный к 1937 г. Генеральным штабом армии план войны предусматривал захват крупнейших китайских городов и оккупацию Северного, Центрального и Южного Китая силами 9–11 дивизий в течение двух–трех месяцев. Подготовка к тотальной войне, а также усилия по идеологическому ее обеспечению активизировались с приходом к власти в мае 1937 г. нового премьер-министра Ф. Коноэ. Свой агрессивный курс Япония прикрывала стремлением помочь китайскому народу и другим народам Азии освободить «восточноазиатский дом» от коммунизма, за которым проследивалась «рука Москвы» и засилья западных стран, отбросить чуждую народам Восточной Азии западную цивилизацию. Между тем, в декабре 1936 г. в Китае произошли так называемые «сианьские события» (арест Чан Кайши в г. Сиань патриотически настроенными генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном и освобождение его, в т. ч. при активном содействии правительства Советского Союза, Коминтерна и руководства КПК), которые знаменовали собой конец гражданской войны, консолидацию всех сил Китая и начало формирования второго периода сотрудничества («второго единого фронта») Гоминьдана и КПК как организации сопротивления Японии в масштабе всей страны. По настойчивой рекомендации Москвы руководство КПК во главе с Мао Цзэдом, перебазировавшееся к этому времени в ходе 10 000-километрового Великого похода в Особый район Китая на стыке границ Китая, Монголии и СССР со столицей в г. Янъань, выразило готовность «во имя национального спасения» прекратить вооруженную борьбу против Нанкина, переименовать китайское советское правительство в управление Особого района Китайской Республики, а китайские Красные армии — в Национально-революционную армию (название, которое официально носили гоминьдановские войска) и подчинить ее Военному совету нанкинского правительства. В июне 1937 г. для встречи с Чан Кайши в Кулинь направилась делегация КПК во главе с Чжоу Эньлаем, в активе которой было предложение Москвы заключить не только пакт о ненападении, но и договор о взаимопомощи²⁷.

Переговоры с коммунистами в условиях общенационального патриотического подъема вызвали недовольство прояпонских элементов в Гоминьдане и правительстве, которые всячески старались сорвать их, а компартию ликвидировать. Ван Цзинвэй и его сторонники искали такие пути примирения с Японией, которые могло бы одобрить большинство лидеров Гоминьдана. С этой целью в мае 1937 г. Ван

Цзинвэй встретился с германским послом в Китае Траутманом и обсудил с ним широкий круг вопросов, в том числе возможность присоединения Китая к подписанному в ноябре 1936 г. японо-германскому антикоминтерновскому пакту. Траутман попытался убедить Ван Цинвэя, так же как и позднее Гитлер убеждал министра финансов Кун Сянси во время визита того в Германию (дипотношения с Германией Китай разорвал только в июле 1941 г.), что пакт представляет собой особый тип политического соглашения, не имеющий антикитайской направленности, и предложил, чтобы, учитывая непопулярность в Китае идеи установления связей с фашистскими государствами, Нанкин присоединился к пакту тайно²⁸. Реализации этой идеи на данном этапе помешали поиски китайской дипломатии широкого блока союзников в возможной войне с Японией с участием западноевропейских держав, США и СССР. Однако попытка сформировать систему коллективной безопасности на Дальнем Востоке в преддверии новой японской агрессии в Китае не удалась. Последней такой попыткой было предложение Советского Союза Нанкину через своего посла в Китае 5 июня 1937 г. обратиться к великим державам с инициативой заключить региональный пакт о взаимопомощи, а также созвать тихоокеанскую конференцию с участием этих стран. Причем, если бы эта конференция не оправдала возлагающихся на нее надежд, Советское правительство изъявило готовность вести переговоры с Китаем о заключении договора о взаимопомощи. Своевременное принятие этих предложений, несомненно, охладило бы агрессивный пыл Японии. Однако позиция Чан Кайши и западных держав, в первую очередь США, воспрепятствовала претворению в жизнь этих предложенных Советским Союзом мер. Как в начале, так и в середине 1930-х годов антисоветская и антинациональная политика правящих кругов Китая оставалась главным препятствием на пути подлинного улучшения советско-китайских отношений. Потребовалось новое, на этот раз масштабное вторжение Японии в Китай, и опять же в условиях, когда западные державы продолжали придерживаться позиции «спокойного созерцания и терпения», чтобы, лишившись возможности особенно широко маневрировать во внешнеполитической сфере, чанкайшистская верхушка Гоминьдана смогла, несмотря на свой антикоммунизм, взять наконец курс на сотрудничество с Советским Союзом и с КПК. Как показала история, это был единственно правильный курс, отвечающий подлинным национальным интересам китайского народа.

Начало реализации этого курса было положено VII конгрессом Коминтерна (сентябрь 1935 г.), провозгласившим линию на создание направленного против угрозы фашизма широкого единого фронта, объединяющего все слои общества, в том числе народов колониальных и зависимых стран в борьбе против империализма. 22 сентября 1937 г. гоминь-

дановское правительство публикует обращение ЦК КПК от 15 июля, в котором руководство КПК признавало три народных принципа Сунь Ятсена в качестве идейно-теоретической основы политического сотрудничества и отказывалось от борьбы за свержение гоминьдановского режима, а на следующий день — заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества двух партий. Вооруженные силы КПК преобразовывались в 8-ю и 4-ю армии НРА. Обе партии рассматривали новую политику как вынужденную тактику, что, естественно, делало этот компромисс весьма неустойчивым. Несмотря на то, что Гоминьдану и КПК не удалось договориться ни о выработке общей официальной программы, ни о создании организационных форм единого фронта, политическое соглашение двух партий стало реальной основой национального сплочения, сыгравшего столь важную роль в войне сопротивления²⁹.

Развертывание необъявленной китайско-японской войны в результате «7 июля 1937 года (партизанская Китайская Советская Республика объявила войну Японии еще 5 апреля 1932 г., а правительство Чан Кайши объявило войну Японии только после Пирл-Харбора, вслед за США и Англией, 9 декабря 1945 г., но и впоследствии постоянно шантажировало США и Москву кошмаром сепаратной сделки с Токио) еще более усилило осуждение в Китае в адрес Японии за «нарушение культурно-расового долга» и отказ от восточного духа «вандао» («праведного пути правителя», по яп. — «кодо») как на уровне обыденного сознания, так и на идеологизированном уровне. Чрезвычайная наглость, надменность японцев по отношению к китайцам, курс на раскол страны на вотчины типа «Маньчжоу-дого» и «Внутренней Монголии», стремление Токио низвести нанкинское правительство до статуса всего лишь одной из региональных китайских администраций в дельте реки Янцзы, изощренные и унижительные формы эксплуатации на японских предприятиях в Китае, наконец, особая жестокость, проявленная японскими агрессорами в годы восьмилетней войны формировали в Китае явно негативный облик Японии как «империалистического злодея», который, по словам С. Фицджеральда, «стремился максимально ослабить Китай, чтобы незаконно захватить его ресурсы»³⁰. Так или иначе, Китай воздерживался от объявления войны Японии, и сложилась парадоксальная ситуация, по меткому замечанию авторов мгимовского учебника, «странной войны наоборот», если сравнивать ее с периодом «странной войны» в Европе в 1939–1940 гг.: она велась, но не была объявлена, в то время как в Европе война была объявлена, но не велась»³¹.

За первые два месяца Япония, сконцентрировав в Северном Китае 300-тысячную армию, захватила Тяньцзинь и Пекин, а также Нанькоу и Чжанцзякоу (Калган). В этот критический для Китая момент Советский Союз незамедлительно откликнулся на призыв о помощи и оказал китайскому народу мо-

ральную, политическую и экономическую поддержку. 21 августа 1937 г. между СССР и Китайской Республикой был подписан Договор о ненападении (сроком на 5 лет). В соответствии с договором Китай взял на себя обязательство не подписывать с кем бы то ни было соглашений о борьбе с «коммунистической опасностью», аналогичных «Антикоминтерновскому пакту», а Москва обязалась не заключать пакта о ненападении с Японией, что повлекло бы за собой прекращение военной помощи СССР Китаю³². Значение договора для Китая было огромным. Советско-японские же отношения в связи с советско-китайским сближением стали быстро ухудшаться. Несмотря на опасность вовлечения в вооруженный конфликт с Японией, Советское правительство продолжало расширять масштабы своей поддержки китайскому народу. Во время созванной по инициативе Консультативного комитета («Комитет 23-х») Брюссельской конференции, проходившей с 3 по 24 ноября 1937 г., советская делегация предложила принять против Японии санкции, не останавливаясь даже перед крайними мерами. К сожалению, советские предложения и на этот раз не были приняты. Французский министр иностранных дел Дэльбос в своем выступлении на этой конференции заявил, что-де «никакое насильственное решение не может ни юридически, ни фактически действительно и удовлетворительно урегулировать взаимоотношения между Китаем и Японией». Не было принято западными державами и предложение китайской делегации о применении экономических санкций против агрессора³³.

Не оставляя надежды договориться с Токио за столом переговоров, на фронте гоминьдановское руководство осуществляло тактику пассивной обороны. Попытки её отдельных соединений организовать активный отпор японским захватчикам (сражение в районе Тайэрчжуана, оборона Шанхая, Уханя, Чанша и др.) не получили надлежащей поддержки от главного гоминьдановского командования. К январю 1938 г. японская армия, захватив в ходе ожесточенных трехмесячных боев Шанхай, а также овладев столицей Нанкином (по версии китайских авторов японские войска учинили здесь настоящую резню гражданского населения, истребив за один месяц по разным данным от 50 до 300 тыс. китайских граждан), оккупировала весь Северный Китай. К концу года пали Ухань, Гуанчжоу и практически все города восточного побережья Китая. Новой столицей до 1945 г. стал расположенный на западном берегу р. Янцзы город Чунцин, а активная фаза войны, когда японские войска вели наступление по всему фронту и главным фактором, препятствующим их стремительному наступлению служили «человеческие пробки» или массы беженцев, забивающие практически все коммуникации, завершилась. В этих условиях огромное значение для борющегося против японской агрессии Китая имела материальная помощь, которую оказывал СССР. В марте и июле 1938 г. Советский

Союз предоставил Китаю два крупных по масштабам того времени кредита по 50 млн долл. каждый, а 13 июля 1939 г. был подписан Договор о кредите в 150 млн долл. Причем поставки оружия под кредит начались уже с 1937 г., то есть до подписания официального соглашения о нем. Наконец, 16 июня 1939 г. был подписан торговый договор между СССР и Китаем. Эти соглашения и договор явились тем более важными для Китая, что в этот самый трудный для него период ни одна из западных держав, несмотря на неоднократные обращения Нанкина, не предоставила ему ни одного займа. Летом 1938 г., после отъезда из Китая германских военных советников, туда приехали первые советские военспецы (более 3500 чел. к началу 1939 г.). В эти годы в Китае сражались свыше 700 советских летчиков, более 200 из которых погибли. К сентябрю 1939 г. 80 % военно-технической помощи Китайской Республике доставлялось из Советского Союза и лишь 20 % — из США и Европы³⁴. Оказав военную помощь Китаю, Советский Союз резко сократил экономические контакты с Японией, прекратив поставки нефти, угля, марганцевой руды и другого стратегического сырья. Экспорт из СССР в Японию упал с 40 808 тыс. иен в 1934 г. до 99 тыс. иен в 1939 г., а импорт из Японии в СССР уменьшился соответственно с 13 005 тыс. иен до 202 тыс. иен³⁵.

С ноября 1938 г. война, именуемая в Токио, дабы принизить ее значимость в глазах Запада и японкой общественности, просто «китайским инцидентом», трансформировавшись в пассивное позиционное противостояние без активных наступательных операций, грозила приобрести форму затяжной войны на истощение. Не разрывая дипломатических отношений и не прекращая попыток заключить мир, правительство Чан Кайши, вместе с тем, не капитулировало и не шло на унижительные условия соглашения. Впрочем, надежды договориться с агрессором не отбрасывалась и, в принципе, Чан Кайши был готов пойти на значительные уступки Японии. Так, в конце 1938 г. он выразил желание вести переговоры с ней на условиях восстановления положения, существовавшего до начала «большой войны» (1937 г.). Чан Кайши таким образом собирался уступить территории Северо-Восточных и Северных провинций Китая, граничащие с СССР и районами дислокации основных вооруженных сил КПК, быстро наращивавших свою мощь и создающих освобожденные районы большей частью за счет территорий за линией фронта, «освобождаемых» от власти Гоминьдана. Именно на упомянутых условиях гоминьдановский представитель Сяо Чжэньин вел в Гонконге секретные переговоры с представителями Японии. Так же, как и переговоры через посредничество Германии и Англии, они, однако, успеха не имели, поскольку Япония тогда еще рассчитывала на захват всего Китая. Этим амбициям Токио, несомненно, потакали западноевропейские метрополии, готовые в любой момент пойти на сделку с Японией по мюнхенскому сценарию, подобно

тому, как Лондон подписал 24 июля 1939 г. известное позорное «соглашение Арита-Крейги» по схеме: Япония уважает интересы Великобритании в АТР, а Англия «не мешает японской армии выполнять стоящие перед ней задачи»³⁶.

Понимали необходимость дополнить чисто военные действия комплексом политико-пропагандистских мероприятий и в Токио. Стержнем идеологической работы японских политиков в Китае, так же как и в других азиатских странах, продолжали оставаться концепция расовой и культурной близости и лозунг «Азия для азиатов». Развитие теории «паназиатизма» привело к появлению в Японии еще в начале 1930-х годов таких новых концепций в защиту желтой расы против «империализма белой расы», как идея создания «Сферы совместного процветания Великой Восточной Азии» (далее «Сфера»), «нового порядка» и другие концепции, которые можно интерпретировать как альтернативный традиционной китайской «даннической системе» японоцентристский миропорядок. Активизация концептуальных поисков в Токио в этот период объяснялась, в частности, тем, что задача расчленения Китая на ряд «независимых» государств и дальнейшее развитие агрессии Японии в Китае требовали как морального и политического оправдания, так и идеологического закрепления достигнутых результатов. Обосновывая континентальное направление экспансии один из идеологов Миядзаки Масаеми даже утверждал, что центром развития Востока и единственной силой, ответственной за поддержание мира в Восточной Азии, становится Япония и необходимо создать Восточноазиатскую Федерацию, в которую на первом этапе войдут Япония, Манчжурия и Китай, как ядро «нового порядка» в Азии, бросающего вызов присутствию Запада в Азии. Термин «сфера сопроцветания Великой Восточной Азии» впервые официально появился в декларации министра иностранных дел Мацуока Есукэ 1 августа 1940 г., последовавшей за программным заявлением второго кабинета Коноэ. Однако сама концепция была разработана раньше в окружении Коноэ при различной степени участия таких политиков евразийской ориентации, как политический деятель, философ и публицист Окава Сюмэй, адмирал Енаи и министр иностранных дел в его кабинете Арита. «Сфера» получила договорно-правовое оформление в рамках подписанного 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта Германии, Италии и Японии, закрепившего раздел сфер влияния трех держав, отказ Германии от претензий на колониальные владения покоренных ею Франции (Индокитай) и Голландии (Индонезия) и признавшего за Японией «руководство в деле создания нового порядка в Восточноазиатском пространстве»³⁷.

В отличие от немалой части генералитета, «антиатлантист» Коноэ однозначно считал главным и, по сути, единственно возможным южное направление японской экспансии с идеологическим обоснованием

в виде лозунгов паназиатизма на уровне массового сознания. Он публично отвергал, претензии «атлантистов», т. е. Великобритании и США, на универсальный характер их ценностей, что несомненно встречало поддержку в Азии, убедительно показывая, что японское и англо-американское понимание «права», «справедливости» или «гуманности» не совпадают в связи с коренными различиями национальных интересов, которые для него всегда были выше абстрактных «общечеловеческих». Не случайно, в ответ на на упреки в «недостаточном осознании Японией своей вины», вплоть до сегодняшнего дня многие японцы, в том числе многие члены ЛДП в парламенте, а также немало деятелей-членов кабинета, не чувствуют никакой вины за события пятидесятилетней давности, полагая, что «Япония воевала не против других стран Азии, а против Европы и США. Азия выступала против превосходства белых и завоевала независимость». Коноэ активно поддерживал марионеточное «Центральное правительство» Ван Цзинвэя в Нанкине (его армия насчитывала около 800 тыс. чел.), созданное 30 марта 1940 г. не без его личного участия, с которым 9 января 1943 г. Япония подписывает соглашение об отказе от неравноправных договоров с Китаем, что должно было произвести соответствующий политический эффект как на Китай, так и на колониальные страны Азии. В знак благодарности Ван Цзинвэй, ставший мишенью нападок, как Гоминьдана, так и коммунистов, заявляет о вступлении «Китайской республики» в Тихоокеанскую войну на стороне Японии. Геостратегический проект Коноэ, который некоторые СМИ уже начали называть «доктриной Монро для Азии», получил даже обоснование в концепции философа Мики Киёси в виде «паназиатской культуры», «аналогичной эллинизму», который был, как известно, не только культурным или историческим, но и географическим и политическим феноменом. Лозунгом официальной идеологической доктрины Японии становится воплощение в жизнь исторической миссии «народа Ямато», заложенной в древних сакральных текстах — собрание «восемь углов» мира (в данном случае Азии) «под одной крышей» («хакко итигу»)»³⁸.

Не следует думать, что так называемые «японофильские элементы» в гоминьдановском руководстве были единственными в Азии политическими деятелями, связывающими судьбы своей страны и свою собственную политическую карьеру с надеждами на сотрудничество с Японией. Не снимая с Японии, точнее с японской армии и администрации, ответственности за совершенные ими в Азии преступления, напомним, что в годы войны добрая половина руководителей национально-освободительных движений в этих странах была на стороне Японии, в том числе такие лидеры, как руководитель левого крыла Индийского национального конгресса Субхас Чандра Боса, Ба Мо в Бирме и Сукарно в Индонезии, а, кроме того, японцы пытались привлечь на свою сторону также Д. Неру

и У Ну. Нельзя не признать, что симпатии значительной части населения азиатских стран были на стороне Японии, которая, в силу имперских и колониалистских амбиций, не оправдала всех, возлагавшихся на нее надежд, в частности, так и не предоставив полной независимости Индонезии. Тем не менее, хотя послевоенная независимость Индонезии, Индии, Бирмы, Филиппин — дело рук бывших владельцев этих колоний, это был вынужденный шаг, а не жест доброй воли: «хорошие» победители не могли безнаказанно лишить народы того, пусть и немногого, что им уже дали «плохие» японцы. Более сложную гамму чувств испытывали по отношению к японскому «континентальному проекту» и планам создания грандиозной колониальной империи по всему бассейну Тихого океана китайцы, уже потому, что границы японской «сферы» простирающиеся от Индии до Австралии и в акватории Тихого океана, совпадали с контурами концентрических кругов «китайского мирового порядка». Плюс к этому, экстремизм японского военного руководства, склонного забывать об идеях «паназиатизма» и «сопрощения», провоцировал ответный экстремизм со стороны различных сил и группировок в Китае, склонных, как Гоминьдан и КПК, скорее готовиться не к решающим сражениям с японцами, сколько к предстоящей борьбе за власть, лавируя и играя на межимпериалистических противоречиях. В свою очередь, атлантический блок в лице, в первую очередь, США и Великобритании, так же как и сталинское руководство в Москве, умело играли на этом противостоянии. Наряду с этим, иллюзии о возможности при содействии Японии укрепить национальную независимость, избавившись от пут режима капитуляций с Западом и коммунистической угрозы, разделялись в кругах Гоминьдана отнюдь не только Ван Цзинвэем и ему подобными, так что, в целом, формировало сложную гамму настроений по отношению к Японии, которую можно описать, используя терминологию Д. Барнетта, как «смешанное чувство вражды, зависти и восхищения»³⁹. Контроль над националистическими и антифореинистскими настроениями в ходе войны стал приобретать одну из решающих ролей с точки зрения расстановки сил внутри Китая и способности заинтересованных иностранных государств влиять на нее.

Подводя итоги анализа эволюции ситуации в Китае в период до становления национально-освободительной войны китайского народа против агрессии Японии частью Второй мировой войны, следует констатировать, что пестрая гамма внешних факторов и внутривнутриполитических составляющих не позволяла еще давать прогноз, что Китай однозначно станет участником антифашистской коалиции. Противостояние Гоминьдана и КПК, активно готовящейся к решающей битве за власть, делало ситуацию в военном и политическом отношении взрывоопасной, что и выявилось в полной мере в следующий период войны. Японская пропаганда идей расовой и паназиатской солидарности, нашедшая благоприятную почву в умах многих китайцев и приведшая к расколу гоминьдановской верхушки, вносила еще большую неясность в перспективы будущей ориентации Китая. Немаловажную роль сыграли в этом победы советской армии в конфликтах в районе озера Хасан в июле–августе 1938 г. и на реке Халхин-Гол в мае–августе 1939 г., показавшие реальную мощь СССР. Помимо военно-силового эти конфликты имели явное политико-дипломатическое измерение. И Советскому Союзу, и Японии было важно продемонстрировать свою боеспособность перед потенциальными союзниками, поскольку в Европе и в США существовали довольно серьезные сомнения в способности Москвы и Токио выступать в качестве надежных и боеспособных союзников в предстоящих коалициях, состав и конфигурации которых еще не были прояснены. При всей нервозности и, порой, неопределенности по геополитическим ориентирам внешней политики Кремля, на всех этапах противодействия японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на облегчение положения стран-жертв японской экспансии, ослабление ее вооруженного натиска. Война Японии против Китая, вооруженные акции у границ СССР и в Монголии, как и завоевательные походы Германии в Европе, стали возможны, главным образом, из-за недальновидной умиротворительной (а фактически — подстрекательской, антисоветской) политики стран Запада, повлекшей разжигание очагов войны по обе стороны Евразии в мировой пожар.

¹ The Daily Yomiury. 1998. 29 ноября.

² Цит. по Делюсин Л. П. Идеи паназиатизма в учении Сунь Ятсена о национализме // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 175.

³ Ху Ханьминь. «Миньбао» чжи лю да чжуи (Шесть великих принципов «Миньбао») / Синьхай гэмин цян ши нянь цзянь шилунь сюанци (Избранные статьи, опубликованные за десятилетие, предшествовавшие Синьхайской революции) Т. 2, ч. 1. Пекин, 1963. С. 381.

⁴ Корсун В. А. Концепция китаецентризма и империализма во внешнеполитических воззрениях Дай Цзитао, Проблемы востоковедения // Ученые записки МГИМО. М., 1978.

⁵ Jansen M. B. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge, 1954. С. 189, См. также Schiffrin H. Z. Sun Yatsen. Reluctant Revolutionary. Boston, 1980.

⁶ Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы, 1918–2000. Т. 2. М., 2000. С. 131–132.

- ⁷ Ван Пэй, Ян Вэйхэ. Чжунго канжи чжаньчжэн шигао (История антияпонской войны в Китае). Т. 1. Ухань, 1984. С. 28.
- ⁸ Ма Чжунлянь. «Цзю и ба» дао «ци ци» (К истории японской агрессии в Китае. От 18 сентября 1931 до 7 июля 1937 г.) Пекин, 1985. С. 42.
- ⁹ Documents of British Foreign Policy, 1910–1939, Second Series. Vol. VIII. Chinese Questions, 1929–1931, L. 1960. P. 723.
- ¹⁰ О помощи СССР см. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. Док. № 266–268, 270–271, 278, 281–283, 285, 287, 290–293, 296–298, 301–393, 307–322, 325, 330–418, также Мировицкая Р. А. Китайская государственная и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны, 1941–1945. М., 1999.
- ¹¹ Сапожников Б. Г. Китай в огне войны. М., 1982. С. 31.
- ¹² Овчинников Ю. М. Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае, М., 1985. С. 60.
- ¹³ Фу Цисюэ. Чжунго вайцзяоши (История китайской дипломатии), Т. 2, Тайбэй, 1973. С. 514.
- ¹⁴ Сомряк М. Восточно-Хэбэйское автономное правительство. — Тихий океан, 1937. № 2. С. 104.
- ¹⁵ Капица М. С. Советско-китайские отношения в 1931–1945 гг., М., 1956. С. 258.
- ¹⁶ Миньго даши шичжи (Хроника важнейших событий в республиканском Китае). Тайбэй, 1982. С. 27.
- ¹⁷ Kirby W. G. Germany and Republican China. Stanford, 1984. P. 126, 201–202, 695.
- ¹⁸ Каткова З. Д. Китай и державы. 1927–1937 гг. М., 1995. С. 125–128.
- ¹⁹ The China Year Book, 1935, Shanghai, 1935. P. 136.
- ²⁰ Каткова З. Д. Китай и державы 1227–1937, М., 1995. С. 161.
- ²¹ Chiang Kai-shek. China's Distiny. N.Y. 1946. С. 89.
- ²² Ван И. И цзю сань у нянь Дэго дуй «тяоцзе» чжунжи гуаньсиды тайду (Позиция Германии по вопросу урегулирования китайско-японских отношений в 1935 г.) / Цзиньдайши яньцзю. 1984, № 5. С. 183–184.
- ²³ Титов А. С. Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935–1937 гг. М., 1981. С. 105–104.
- ²⁴ Borton H. Japan's Modern Century, N. Y., 1955. P. 347.
- ²⁵ Чэнь Минчжун. Шилунь «и цзю сань у и цзю сань лю» нянь чжун чжи хуэйтань (Китайско-японские переговоры в 1935–1936 гг.). — Миньго данъань, 1989. № 2. С. 107.
- ²⁶ Каткова З. Д. Китай и державы 1227–1937. М., 1995. С. 50, 52, 80, 136, 199.
- ²⁷ Ли Хайвэнь. Чжоу Эньлай дуй хэпин цзецзюэ сиань шибяньды гунсянь (Вклад Чжоу Эньлая в мирное решение сианьских событий). — Чжунго сяньдайши. 1987. № 2. С. 35.
- ²⁸ Титов А. С. Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935–1937 гг. М., 1981. С. 194–195.
- ²⁹ История Китая. М., 1998. С. 529–530.
- ³⁰ Fitzgerald St. China and the World. Canberra, 1978. С. 77.
- ³¹ История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 372.
- ³² Русско-китайские отношения в XX в. Т. 4: Советско-китайские отношения. Кн. 1: 1937–1944 г. М., 2000. Док. № 53. С. 8–9.
- ³³ Всемирная история. М., 1962, Т. IX. С. 439.
- ³⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. С. 260.
- ³⁵ Moore H. L. Soviet Far Eastern Policy, 1931–1945, Princeton (New Jersey), 1945. P. 115.
- ³⁶ Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане 1931–1945 гг. М., 2001. гл. 1–2.
- ³⁷ Kirby W. G. Germany and Republican China, Stanford, 1984. P. 144.
- ³⁸ Молодяков В. Э. Геостратегические проекты принца Коноэ, Белый мир <http://world.ruweb.info>
- ³⁹ Barnett A. Doak. China and the Major Powers in East Asia. Wash., 1977. С. 122.